

ВЯЧЕСЛАВ ЗАЙЦЕВ:

«МНЕ БОГ ДАЛ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИКОСНУТЬСЯ К ГАРМОНИИ И ПОДАРИТЬ ЭТУ РАДОСТЬ ДРУГИМ»

*«Я в одиночество вхожу,
Дверь открываю, спешу
Зажечь тепло излучающий фонарь.
Поток его лучей спешит
меня согреть и успокоить.
Но знаю я один, как это тяжело.
Мне тяжело, другому, видно, так же.
Но тот, другой, одиночество души моей
Понять лишь только внешне сможет.
Уйдет, останусь я опять один –
И все сначала.
Но видно, Бог предначертал
мне этот путь.
Смирюсь и буду жить».*

*Это свое стихотворение
продекламировал на встрече
с журналистами великий
модельер, поэт и художник
Вячеслав Зайцев.
Он приехал в Алматы,
чтобы возглавить жюри
конкурса молодых модельеров,
проходящего в честь
шестидесятилетия
Казахстанского
Дома моды «Сымбат»
и ответил на многочисленные
вопросы алматинских СМИ.*

– Казахстанскому Дому моды «Сымбат» – 60 лет. Ваши впечатления от знакомства с этим Домом.

– Грандиозно! Я увидел огромный, мощный комплекс, где масса помещений, хорошая база. Здесь помимо моды занимаются еще и дизайном, фотографией, рекламой, плакатами. Очень емкая научная структура, которая объединила в себе все, что можно объединить в индустрии мод, для того, чтобы выйти на мировой рынок. Только теперь все это придется вам шлифовать, наполнять вкусом, потому что мода еще далека от совершенства. Но вылепить что-то из этих талантов – в силах ваших педагогов. Надо всегда стремиться к большему, я считаю, что это очень правильно. Начали с маленького ателье, а теперь как все разрослось: бутики, институт, производство детской одежды.

– В 1963 году Вашу коллекцию выпускника текстильного института запероли сразу. Ваши переживания?

– Жуткий был упадок, просто страшный. Мало того, что меня раскритиковали на эстетическом совещании, так еще и на фабрике устроили товарищеский суд. Причем там присутствовали и мои конкурсы. Меня с позором выгнали с должности художественного руководителя и «посадили» на фабрику. В течение двух лет я работал, перерабатывая старые куски тканей, как говорится, неликвиды. И добился того, что модели из них стали продавать в магазине «Весна» на Кузнецком мосту. Я ушел оттуда с воспалением мозга на нервной почве и потерей зрения. В это время на Бабушкинскую фабрику приезжали иностранные журналисты, так за мною постоянно следили, как бы я в их присутствии чего не выкинул.

– А как реагировало руководство на положительные публикации в зарубежной прессе о Вашей деятельности?

– В 1969 фирма «Солонис», производящая текстиль, предложила мне сделать из их тканей коллекцию. Но руководство страны ответило, что Зайцев у нас не один русский модельер и предложили еще двух мастеров. Созданные коллекции были представлены в музее современного искусства Гуггенхайма в Нью-Йорке. Но нас самих на показ, естественно, не пустили. И когда в 1969 году пришло предложение открыть магазины Вячеслава Зайцева во всех столицах мира, меня вызвали в ЦК партии и сказали: «Замолчите, и чтобы вас больше было не видно». Прессе запретили писать обо мне. А в 1974-м в Чехословакии вышла перепечатка из французской прессы, где я был назван в числе пяти выдающихся модельеров мира за сто лет: Фридерик Порх (XIX в.), Поль Пуаре, Коко Шанель, Кристиан Диор и Слава Зайцев. Я как ненормальный прибежал тогда к Косыгину, занимавшему легкой промышленностью. После этого меня 20 лет никуда не пускали.

– Чем Вы занимались в это время?

– Я ушел из ателье и создал театр моды Зайцева. Первый показ моих работ состоялся в 1982 году. В театре не было ничего: ни нормальной обуви, ни необходимых аксессуаров. Тогда я купил военное белье в ЦУМе, покрасил его в Большом театре разной краской и устроил танцевальное шоу в кальсонах и рубашках. Получилось потрясающее! Кстати, сапожки-ичиги из дерматина для танцоров я,

кажется, в Казахстане и купил. С тех пор я театральное действо довел до того, что большие показы были даже в Кремле. Ведь люди хотят зрелищ. И Джон Галлиано, Мак Квин, Жан-Поль Готье – они все делают спектакли. Потому что просто смотреть Fashion-TV скучно и неинтересно. Манекенщицы какие-то индифферентные, безликие, одинаково идут, одинаково не улыбаются. Тоска смертная. А хочется шоу – оно дает возможность более близкого доступа к человеку. Недавно мы были в Ярославле. Зал на восемь тысяч мест – принимают потрясающе. Сейчас у нас предстоит большое шоу в Екатеринбурге. Свои шоу я веду и комментирую сам, одновременно, поэтому люди ходят счастливыми, это очень важно.

– Вы говорите, что манекенщицы индифферентные и безликие. Отчего это происходит?

– Обязательно должна быть школа. Это как в балете – непрофессионала сразу будет видно на сцене. Он будет вызывать раздражение у знающих людей. Но с манекенщицами очень тяжело работать: они очень амбициозны, самоуверенны, необязательны. Чтобы их вымуштровать, нужно иметь очень сильный характер, волю и авторитет. Вот авторитет – срывает. Поэтому у меня была классная школа манекенщиц Вячеслава Зайцева. Очень сильная. Сейчас руководство ею я передал сыну Егору. Но сам момент преподавания удивительно интересный. Сейчас мои девочки – ведущие актеры театра – сами стали педагогами. И они уже на базе моих спектаклей претворяют свои идеи с молодыми. Причем, я считаю, что совсем не обязательно, чтобы ребята после школы становились профессионалами. Важно, чтобы они хоть немного прикоснулись к красоте. Ведь на занятиях формируется мировоззрение, они заводят друзей, у них появляется осанка, начинают нормально носить одежду. Родители не нарадуются, какими выходят дети после нашей школы.

– Вы согласны, что красивые девушки, как правило, обделены интеллектом? И как Вы подбираете себе манекенщиц?

– Подбираю в основном чисто интуитивно. Потому что срывает в мозгу компьютер. Смотрю на девочку и вижу – она сможет. Я очень много звезд так отобрал. Тонкостей не могу объяснить. Естественно, обращаю внимание на образ: лицо, волосы, нога, щиколотка, коленка – для меня это очень важно. Но должно быть что-то еще, что я могу только почувствовать. В том, что они не интеллектуалки, – есть доля правды, не буду отрицать. Как правило, девочки, наделенные красотой, мало думают об интеллекте. Но, к счастью, все мои звезды, учатся в институтах. Мы еще и над этим работаем.

– Вы в свое время «поломали» образ модели на подиуме, внесли улыбку, игру мимикой. Сейчас идет опять переделка стандартов, как Вы к этому относитесь?

– Меня давно уже не интересует, что происходит на Западе. У меня есть своя позиция, я создал свой мир, свою религию красоты, которой поклоняюсь. Так я работаю сорок пять лет. И все опять приходят ко мне. Вот сейчас будет в Германии саммит Большой восьмерки, придут семь тысяч журналистов со всего мира. В его рамках пройдут показы коллекций двадцати выдающихся художников-модельеров мира. Пригласили опять меня. «Возьмите молодых!» – говорю я. Нет! Настаивают, чтобы ехал я со своими уникальными русскими коллекциями. Вероятно, это связано с тем, что я иду своей дорогой. Как Ив Сен-Лоран, про которого пресса писала, что он идет по другой стороне улицы. Вот так и я иду в этой стране по другой стороне. И мне все равно, что обо мне пишут, и что обо мне говорят.

Выживаю в этом мире, в России, благодаря тому, что у меня есть клиенты и есть Бог, который меня поддерживает. Потому что практически нереально выживать при такой активной деятельности везде и повсюду. Всем нужно отдать себя, у меня еще есть силы и желание работать. Огромное желание работать! Особенно сейчас.

– Вас не интересует Запад, но интригует Востоком?

– Меня вообще интересует все самобытное. Потому что за 45 лет я все уже переделал. У меня в прошлом году вышла книга «Тайны соблазна». Толстая книжка! И те люди, которые ее листают, гово-

Вячеслав Михайлович демонстрирует репродукцию своей картины

рят: «Боже мой, что еще можно сделать, ведь уже все сделано!» Сейчас я копаю свои архивы и думаю: у меня была раньше в Доме моделей возможность делать всего четыре модели в месяц. А ведь необходимо работать очень много, чтобы что-то вырисовывалось, чтобы преодолеть существующие стереотипы, чтобы найти новые решения. Нужно, чтобы рука устала и в каком-то месте оборвалась. Оборвалось на месте возвышенной талии – и пошел ампиризм. Оборвалось ниже – пошли двадцатые годы. Ведь никто не пишет о том, как происходит смена моды. Это огромный труд. У меня тысячи, сотни тысяч эскизов. Не существует проблем сегодня что-то придумать. Я уже все сделал. Я раньше выезжал на недели моды в Париж. Мне было интересно. Но теперь я перестал и стал ездить на наши Недели. И там, кстати, я и увидел модели Дома моды «Сымбат». В Париже этого нет! И это мне интересно, потому что здесь есть декор, радость жизни. Не просто бизнес, а именно радость жизни. Для меня очень важно, когда просыпается художник, креативный художник. Не просто человек, который занимается бизнесом и зарабатывает деньги, а творческая натура. Потому что деньги заработать можно элементарно. У меня, например, с 1993 года есть линия парфюма «Маруся». Средствами от нее я живу уже 15 лет. Сейчас новая линия начата в Париже. Так что деньги можно заработать разными путями, главное – оставаться художником.

– Молодое поколение готово дискутировать с Вами или Ваше творчество и рекомендации она принимает как должное?

– Молодые дискутируют. Я вообще счастлив, когда люди говорят. Только так я могу узнать их желания, проблемы, мысли. И я вижу, что идет работа. Ведь когда пытаются что-то объяснить – это проще. Поэтому я выхожу на сцену и говорю – так я могу донести мою идею до зрителя. Объяснить, почему было создано данное платье, каким образом оно носится, что явилось основой, какие ткани. Зритель должен все знать, тогда ему будет интересно. А у нас сейчас другая ситуация: выходит модель в платье из целлофана, расшитым всякой «ерундой» – чем это было вызвано, никто не знает, все молчат. Художника обязательно надо учить говорить, тогда ему легче будет жить. Я сам из города Иваново, косноязычный. Но научился изъяснять свои мысли и вырос до того, что стал ездить по всей стране с лекциями. Сегодня мне проще общаться с самой разной аудиторией, своими заказчиками, потребителями, работать в театре, кино, заниматься живописью.

– Вы много говорили об инновациях, но неужели ни разу, особенно в направлениях молодежной моды, Вы не были разочарованы?

– Нет, такого не бывает, я слишком опытный человек. Мне даже порой неловко бывает оттого, что у меня такой хороший вкус. Я приветствую молодежный авангард. Я люблю авангард. А вот Егор, мой сын, он, наоборот, не понимает, не принимает, не знает, для чего все это делается. Но я считаю, что он гениальный художник, я другого такого в мировой моде не видел. Разве что Галлиано. Но Галлиано богат и берет тем, что у него есть возможности. А это – человек, у которого нет никаких возможностей. И делает шедевры, опережая время. Он говорит: меня не интересуют креативы, практичность, этим, пап, занимаешься ты. А я хочу нести идеи. В его идеях масса интересных предложений и по дизайну, и по крою. Я считаю, что это человек, определяющий будущее. У меня молодежь много учится в институтах, в моей лаборатории моды, я их поощряю, когда они отходят от существующих стереотипов. При возможности рву пути, которые порой опутывают нас, консерваторов, классиков.

– Вы не обижаетесь, когда Вас называют консервативным?

– Я счастлив, что консервативен. Карден сказал как-то, что самое большое мужество – это иметь свой стиль. Ведь очень легко потеряться в этом многообразии, этом хаосе. Хочется сделать и то, и другое, тем более, что я могу это. Но я остаюсь классиком – остальное предоставляю молодым. У меня есть уже десять лет существующая огромная лаборатория моды. Каждый год из нее выходят двадцать супер-дизайнеров, этаких звезд, которые после института проходят у меня своего рода аспирантуру. Я их обучаю шитью, скульптуре кроя – они выходят профессионалами. Я как бы «клонировать» себе равных, и мне не страшно быть консервативным.

– Наше издание называется «Стиль». Какой смысл Вы вкладываете в понятие?

– Для меня стиль – это понятие вкуса. Говорят же, вкус – молчалив, кричит безвкусица. Вот я всегда иду к тишине. Чтобы видно было женщину, а не одежду. Бывают моменты, когда мне хочется взорваться фантазмагорией, когда я хочу, чтобы душа пела, и могу позволить себе невероятные вещи! Сейчас я делаю фольклорную коллекцию из павлово-посадских платков. С ума сойти, какой красоты это все! Это такая Русь: мощная, открытая, сочная, многоцветная,

музыка и песни чувствуются в этом хороводе образов. И я считаю, что это – новый стиль, который утверждается сейчас. Я давно пытался и пытаюсь сейчас найти новую эстетику русского костюма. Ведь мы в ответе за то, что оставим после себя. XIX век нам оставил определенный костюм, и мы должны думать, что оставим после XX века. И я создал огромную коллекцию за эти 6 лет, которую планирую показать во всех уголках земного шара. Это будет событие невероятное. Уже сейчас просят показать там, там и там. Покупают эти модели. Потому что это совершенно новая Россия, сильная, мощная, роскошная, сочная, декоративная. Но без эклектики и этнографии.

Еще у меня есть узбекская коллекция. Я просил художницу из Самарканда сделать по моим рисункам одежду с вышивкой. Я сам поражен получившейся красотой. Вообще, Восток – это такая красота, у вас такие возможности!

– А как Вы оцениваете творчество Балнур Асановой, модельера Дома моды «Сымбат»?

– Изумительно, она молодец! Я ее обожаю, она прекрасно работает. Моему агентству доставляет огромное удовольствие работать с ней. Мне кажется, что одна из причин, по которым я приехал сюда, – мне хотелось увидеть и прикоснуться к тому, где она работает. Она талантливый человек.

– Вы увлекаетесь поэзией, живописью...

– ...и театральными декорациями. Я член Академии художеств. У меня было шесть выставок в Америке. В живописи меня вдохновляет либо умиротворение души, либо побег от себя, разочарование, обида. Творчество у меня, как правило, философское, астральное. И женщины совсем не такие красивые, с какими я работаю в модельном бизнесе. Там все наоборот: они здоровые, больших объемов и форм. Глазу есть за что зацепиться! И если в моде я не могу себе этого позволить, то в живописи наслаждаюсь этими формами. Я не могу объяснить, почему это возникает, но это безумно интересно. В Америке сделал около пятисот картин, из которых триста у меня купили. Это было в первый раз, когда я заработал реальные деньги. Еще я занимаюсь фотографией, создаю образы своих моделей, нередко это известные люди. Они приходят, и я делаю их такими, какими они себя никогда не видели. Это поразительно.

– А еще Вы пишете стихи...

– Стихи... Я стал писать их в трагический период в моей жизни. Умирала мама. Я ушел из официальной моды, поняв свою бесполезность присутствия там. И из легкой промышленности ушел, потому что мы создавали красивые коллекции, люди хотели их покупать, а мы не могли ничего предложить им, потому что это было нереально и невозможно. Потому что мы все были рабами. Мы создавали коллекции, но они исчезали на складах, и в лучшем случае расходились по работникам ЦК. Я никогда не видел свои модели в торговле, на людях. И у меня был жуткий внутренний упадок, и Бог дал мне возможность это все выразить в стихах, совершенно неожиданно. Это даже не стихи, а словоизлияния души. Это был 1978 год.

Кричу я в пустоту –

Молчанье мне в ответ.

Душа моя в изгнание.

Лишь белоснежный лист бумаги

Мою приемлет безысходность.

Вся боль души моей,

Трагедия контрастов, на волю вырвались,

Заполнили бумаги белый лист.

Мгновенье – вечности принадлежит отныне.

Природа щедро одарила

Меня любовью к красоте. Я переполнен.

Кто ж поможет сосуд прекрасный осушить?..

Это мое первое стихотворение. Потом пошло, пошло и целая книга написалась. Душевные переживания, страсти, любовь переполнили меня.

– Какие черты вашего характера помогают Вам добиваться всего в жизни?

– Огромная вера в людей! Хотя предательств было очень много, и они продолжают. Но меня мама научила любить людей. Мама была у меня уборщицей и прачкой, так сложились обстоятельства. Она ушла, но оставила свои идеи, которым я остался верен. Люблю людей, люблю работу и счастлив, что мне Бог подарил возможность каждый день радоваться происходящему. В течение последних семи лет я живу в лесу, в усадьбе. Встаю утром и говорю: «Спасибо, Господи, что ты еще раз подарил мне это мгновение жизни». Я очень люблю людей, которые приходят ко мне в дом делать примерки, создавать образы. Это сложно, потому что я одеваю часто полных женщин и солидных, уважаемых мужчин, например, Образцова, Хворостовского. Хотя есть и маленькие, Александра Пахмутова – вообще крошечная, или Валентина Терешкова. И просто обычных людей – деловых, бизнес-леди. Я получаю удовольствие от этого, потому что они уходят от меня счастливыми. Это само по себе большая радость.

– Как Вы поддерживаете свое вдохновение?

– Это совершенно непонятно. Иногда я совершенно умираю от усталости, от существующей нелепости, от окружающей безвкусицы. Но когда я выхожу на сцену после рабочего дня, отработав с шести утра в бешеном круговороте (ведь все показы идут вечером), – и аура присутствующих людей создается вокруг, и энергетика идет из зала, и я отдаю свою энергию. Всеобщая радость! И после тяжелейшего показа прихожу домой счастливый, хочу снова жить, у меня нет ощущения усталости! Поразительно!

С Великим Кутурье беседовала Алла Дубровина

Prana Yoga Center,
г. Астана, пос. Караоткель, 3, дом 4/2,
Тел.: +7(3172) 790152